

A fluffy black and tan dog, possibly a Pomeranian, is standing on a snowy surface. The dog has its front paws raised towards its chest. The background shows a wooden structure, possibly a table or bench, also covered in snow. The overall scene is a winter outdoor setting.

Марина Ганфайтер

**Чёрно-серая
зебра войны**

Марина Ганфайтер
Чёрно-серая зебра войны

«Автор»

2026

Ганфайтер М.

Чёрно-серая зебра войны / М. Ганфайтер — «Автор», 2026

Начало 2015 года, прошло всего 6 месяцев боевых действий ВСУ на территории Донбасса. Но за эти шесть месяцев жизнь людей изменилась настолько, что они уже и забыли о мирных днях...

© Ганфайтер М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	7

Марина Ганфайтер

Чёрно-серая зебра войны

Глава

Шестой месяц войны, а кажется, что уже лет пять прошло.

Прежняя жизнь осталась там, в прошлом. Нынешняя же как наваждение, фантом. Всё, что было обыденностью, привычкой, стало воспоминанием.

Я забыла, что такое горячий завтрак, полная воды ванна, маникюр, рейсовый автобус, обновка, долгожданный конец рабочего дня, получка, звонок любимого человека... А комфорт? Что такое сегодня комфорт? Разве могла я представить раньше, что комфортом для современной женщины станут тёплые носки в сапогах, большая восковая свеча с коробком спичек, Грады, бьющие по улицам соседнего городка не в 3 ночи, а в 9 утра? Но сегодня именно это мой комфорт, о котором я только и мечтаю...

Я живу в селе с мамой, переехав к ней и оставив на время свою городскую квартиру. Из хозяйства у нас лишь собака, коты да мамины клумбы с цветами. Маме 80. Она плохо видит, не спит ночами, лежит на диване в прихожей (единственная жилая комната без окон), лежит всю ночь в тёплой куртке, шапке с ушами и ботинках, прислушиваясь к каждому звуку и спрашивая:

- Стреляют?

Раньше через село пролегли три автобусных маршрута, в любое время можно было добраться в Донецк, Мариуполь, куда-угодно, тем более что железная дорога от нас недалеко. Сейчас же по области движения поездов нет, а из автобусов остался один рейс в 7 утра в райцентр, да и то не каждый день. Скорая помощь вообще отказывается к нам выезжать, через блокпосты прорываться трудно, ещё и нужен пропуск, который не известно, как и где брать. Врач амбулатории ушёл на пенсию, медсёстры с семьями разъехались. И машину амбулаторную отобрала районная военная администрация, посчитав, что нам уже ничего не нужно. Болеть сейчас нельзя. Как и умирать. Очень дорого это и хлопотно. Вокруг кладбища армейцы устроили свой укрепрайон, или военный городок: нарыли окопов, настроили блиндажей, укрепили всё бетонными плитами, блокпост поставили как раз на дороге у кладбища, а поля вокруг заминировали. И на кладбище теперь никого не пускают, там кругом растяжки. Раз попробовала я к могилке бабушки подобраться, хоть траву прорвать, но стали стрелять поверх головы из автомата. Я и вернулась.

Из нескольких сельских магазинов остался один. Хозяева остальных распродали последнее и уехали за границу. Хлеб привозят не каждый день, крупу, муку давно разобрали по домам. Все понимают, что грядущий год будет голодным.

Село наше обычно очень красивое, зелёное, с широкими улицами, опоясанными высокими тополями и акациями, с огромной плотиной в два рукава (озером, раскинувшимся между тремя сёлами), с неторопливой рекой и огромной каменной кручей, где в давние времена жили скифы. Взберёшься на эту скалу - и видно окрест всю панораму на десятки километров. Обычно там ветер гуляет, шумят ковыль и чабрец, синеют полянки цветущего шалфея да взлетают в небо хищные птицы, вспугнутые редкими прохожими.

Сейчас же село совсем иное: мрачное, серое, неприветливо-враждебное. Улицы, как только солнышко проглянет из-за скалы, потекут грязевыми потоками. Грязь, натянутая на асфальт гусеницами, становится серо-чёрной, маслянистой, вызывающей... Магазин кто-то ночью ограбил, выбив стекло, вынесли всю водку и коньяк, что ещё оставались. Перед этим

сшибли железобетонный столб напротив магазина, чтобы не светил и не мешал воровать, а столб скукожился, переломился, оскалившись металлическими прутьями, но не упал, а завалился на дерево, не желая гаснуть. Так и горит стойкий столб, развалившись на подставившем свои плечи дереве.

Школа пустует. Не слышно задорных детских голосов, не мелькают в липовой аллее пёстрые детские рюкзаки, не бегают раздетые ребята в соседний ларёк за свежими булочками. Нет ни ребят сейчас, ни булочек. Из полутора сотен учеников в селе осталось человек двадцать, в основном это те, кому некуда, не к кому и не за что ехать. Остальные же разлетелись по городам и странам. И соберутся ли опять - никто не знает.

Опустело село. Опустилось куда-то в серый, беспросветный мрак. Опостылело.

Утром с восходом солнца открываются дали, но всё вокруг как в дымке, нет ясных очертаний. Днём солнце взойдёт повыше, приветливо всё подбодрит, но всё равно не схлынут эти размытость, неопределённость, шадящая дымка времени. Но вот и вечер тут как тут. Солнце скатывается туда, где как раз стоят артиллерийские орудия. И заревом полыхают холмы на западе, с которых ежедневно стреляют по соседнему городку. Городок этот - в ДНР, а мы - на Украине. И между нами всего 7 километров. Раньше мы ездили туда и ходили пешком, там живут дети, родители, друзья каждого из нас. Сегодня для нас туда дороги нет. Вся дорога заминирована. И поля вокруг неё тоже. Разве что только птица пролетит вдоль этой серой асфальтированной дороги или проскочит дикий зверь. На растяжках часто подрываются в полях зайцы, лисы - одинокие взрывы то и дело слышны каждую ночь. Но мы... Уже третий месяц не видела дорога ни людей, ни транспорта. Мёртвая серая зона...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.